

В. А. Иванов

Анонимщики и власть в советской России в 1930-е — 1960-е гг.

В советской России периода сталинщины и хрущевской имитации «демократического социализма» к анонимщикам сохранялось крайне негативное отношение. И если власти расценивали их как затаившихся недоброжелателей, действующих подло, то большинство простых граждан воспринимало анонимщиков как неравнодушных «борцов за справедливость», а по своему поведению — конфликтных и своевольных типов. Скорее поэтому этимологически понятие «аноним» (от греч. *anonymos* — «безымянный»)¹ в разговорной практике повсеместно заменялось презрительным выражением «анонимщик»². И действительно, в условиях «вороватого» общества такой гражданин всегда становится самым востребованным объектом несанкционированного насилия и притеснений как «снизу», так и «сверху».

Другое дело — «общество, строящее социализм» на принципах социальной справедливости и гармонии человеческих отношений. По законам жанра, оно должно было воспользоваться услугами этих живых «барометров» несправедливости, оберегать их, относиться анонимов к своим самым социально чувствительным корреспондентам и источникам. Однако этого не произошло ни в 1930-е, ни в 1960-е гг.

Публичный отказ власти и самого общества от услуг анонимов, их преследование и общественное шельмование, в свою очередь, должны были создать благоприятные условия для сопротивления массового протеста и, возможно, формирования некоего движения «анонимизма», способного обуздать юродство многих социальных экспериментов властей в центре и на местах. Но, как вскоре станет понятно, не случилось и этого.

«Анонимизм» не стал явлением и в социальном, психологическом смысле, лишь отдаленно напоминая одну из пассивных форм сопротивления в обстановке тоталитаризма и волюнтаризма 30-х–60-х гг. И вряд ли здесь нужно рассуждать о сложной и про-

Иванов Виктор Александрович,
доктор
исторических наук,
профессор,
заслуженный работник
высшей школы РФ,
Санкт-Петербургский
государственный
университет.
saw357@mail.ru

тиворечивой природе «анонимизма», его слабо выраженной структуре и сопротивленческой эффективности.

А между тем, именно власти еще в начале 1930-х гг. первыми осмыслили то обстоятельство, что грамотно организованное и регулируемое сопротивление с использованием таких пассивных форм противодействия, как анонимные письма и воззвания, могло создать обстановку нестабильности и нервозности, резко подорвать все усилия режима по поддержанию общественного спокойствия.

Особое внимание при этом уделялось так называемым «антисоветским анонимкам и листовкам», количество которых в 1930 г. заметно возросло по сравнению с 1929 г. Так, если в 1929 г. по линии секретно-политического отдела (далее — СПО) ОГПУ при СНК СССР было учтено 2390 случаев распространения листовок и анонимок (1331 листовка, 1059 анонимок), то в 1930 г. уже было зафиксировано 5156 аналогичных случаев (3512 листовок и 1644 анонимки)³. По докладу начальника СПО ОГПУ Г. А. Молчанова в 1931 г. было учтено свыше 500 анонимных посланий программного содержания с призывом повсеместно развернуть борьбу с советским политическим режимом. В донесении говорилось о высоком качестве подготовленных материалов и напоминалось о том, что это дело рук «активизировавшегося контрреволюционного подполья»⁴.

Отправленная 13 марта 1932 г. почто-телеграмма СПО ОГПУ № 253 впервые за все годы советской власти требовала от местных органов госбезопасности, милиции и уголовного розыска «тщательного исследования социального и политического настоящего и прошлого выявленных авторов анонимок (соц. происхождение и положение, квалификация, возраст, политическое прошлое и др.)»⁵ Вместе с этим, в телеграмме указывалось на неудовлетворительное состояние мер по установлению анонимов и их агентурной оперативной разработке. Ровно через месяц в циркуляре ОГПУ № 364/00 констатировались многочисленные факты появления анонимных писем и листовок, исходящих из воинских частей и подразделений. В то же время, в документе подчеркивалось, что «авторы анонимок остаются неустановленными»⁶. О крайне запущенном состоянии розыскных мероприятий по анонимщикам говорилось и в циркуляре Полномочного Представительства ОГПУ в ЛВО № 18616/00 от 27 апреля 1932 г. «Об усилении работы по выявлению авторов антисоветских листовок». В частности, утверждалось, что многие анонимные сообщения изготавливались не за пределами, а на территории военных городков и кораблей⁷.

Такое отношение на местах к анонимам и их деятельности объяснялось руководством ОГПУ (а именно — на этот государственный орган была возложена обязанность по выявлению безымянных авторов анонимных писем и листовок) тем, что в большинстве организаций и учреждений к анонимным заявлениям относились предвзято. Не исключением оказались и структуры ОГПУ. Позже, в начале января 1941 г., в одной из инструкций НКВД СССР прямо указывалось, что «...сразу брать анонимное заявление под сомнение, заранее не верить ему только

лишь на основании впечатления мы не имеем права. Только тщательная проверка фактов и лиц, упомянутых в анонимке, даст нам возможность сделать правильные выводы и соответственно реагировать как по существу анонимки, так и в отношении её автора»⁸.

Существовала и еще одна проблема — невероятная путаница в методике вычленения (квалифицировании) ключевых понятий, относящихся к составам преступлений, последственным тем или иным органам милиции, госбезопасности и др. Довольно часто в одном анонимном сообщении одновременно освящались события житейского и производственного характера, интимные подробности и описание преступного поведения какого-либо фигуранта, отдельные высказывания антисоветского содержания и т. п. Нередко изложенные в таких письмах факты были умышленно подобраны анонимным составителем с упоминанием в тексте даже имен потенциальных свидетелей, а при тщательной проверке не подтверждалось ни одного эпизода. При этом всегда вставал вопрос о том, что делать с анонимом-клеветником: оставить его в покое и не устанавливать его имени или «примерно» наказать и т. п. Эти и другие вопросы требовали своего разъяснения и упорядочивания, особенно в начале 1940-х гг., когда большинство анонимных писем граждан стало носить ярко выраженный обличительный политический, антисоветский характер.

Одним из первых ведомственных документов, регулирующих эти и другие аспекты, была директива НКВД СССР № 2-3302-4416 от 28 января 1939 г. об усилении агентурно-оперативной работы по розыску авторов антисоветских листовок и анонимных писем. В ней была предпринята попытка выделить наиболее общие черты, характерные для антисоветских «произведений» (листовок, воззваний, писем и др.), сформулировать цели, задачи и способы подавления анонимов. Несмотря на очевидный аппаратный «прогресс» в деле определения приоритетов борьбы с анонимщиками, данное наставление по-прежнему было «ни о чем и ни для кого конкретно». Ни одна оперативная служба в структуре НКВД СССР не желала самостоятельно заниматься «анонимными делами», считая их не только не перспективными, но и унижительными, ущербными.

Такое пренебрежительное отношение к требованию центра по поводу активизации борьбы с анонимщиками и получившее на местах к началу 1941 г. широкое распространение было буквально сломлено совместным циркулярным распоряжением Наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии и начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР В. Н. Меркулова в начале января 1941 г.⁹ В циркуляре упоминалось около двадцати областей, краев и республик, в которых работа по анонимщикам за 1939–1940-е гг. была попросту провалена. В частности, приводились данные по УНКВД СССР по Ленинградской области, куда за эти годы по линии только 2 отдела ГУГБ НКВД (это подразделение занималось анонимщиками. — *В. И.*) было направлено 379 анонимных писем, поступивших из Ленинграда и области в различные инстанции Москвы. За указанный период органы госбезопасности региона установили лишь 11 авторов этих посланий. В Тульской области за эти годы из 60 эпизодов было установ-

лено только 5 анонимов. В Саратовской области 6 из 50, в Кировской области ни одного из 21 случая, в Новосибирской области 3 из 75, в Приморском крае 1 из 20 эпизодов и т. д.

В то же время, в документе перечислялись почти два десятка регионов, где мероприятия по подавлению анонимщиков и «пресечению их преступной деятельности...» достигли ощутимых результатов¹⁰. Среди них упоминались Курская, Куйбышевская, Ярославская, Сталинградская, Орловская, Пензенская области, Башкирская, Татарская, Удмуртская АССР и др.

Упомянутый выше циркуляр НКВД СССР № 4 от 7 января 1941 года предписывал всем территориальным органам. Работу по розыску авторов анонимных писем, листовок и воззваний сосредоточить во вторых отделах УГБ, выделив для этой цели, в зависимости от объема работ, одного или нескольких оперативных работников внутри одного из отделений, или специальную группу при начальнике отдела. Таким образом, этот участок был выделен как самостоятельная линия оперативно-чекистской работы. Этому решению в некотором смысле способствовали эксперименты на местах тех самых «передовиков» подавления анонимщиков, упомянутых выше. Согласно директивному указанию, к общему процессу привлекались и другие отделы и отделения НКВД–УНКВД по своим объектам и линиям работы. Они были обязаны теперь «участвовать в разработке и реализации агентурно-оперативных мероприятий 2-х отделов УГБ»¹¹.

Однако к лету 1941 г. стало очевидным то обстоятельство, что деятельность этой самостоятельной линии оперативно-чекистской работы оказалась практически «неподъемной» по ряду причин. Во-первых, оперативный состав по-прежнему не имел системных представлений о предмете своей деятельности (признаки, классификация, типичные схемы поведения, правовые и нормативные характеристики, процессуальные действия и т. п.). Во-вторых, выполнить задачу по розыску анонимов было значительно труднее и сложнее, нежели реализовать иные агентурные разработки. К тому же, на местах всем явно не хватало обобщенного опыта такой работы, равно как и методических наработок и профессиональных исполнителей.

Ликвидировать этот пробел взялся 6 отдел 3-го Управления НКГБ СССР, подготовив и разослав в регионы 13 июля 1941 г. секретный «Обзор-ориентировку по розыску авторов и распространителей антисоветских листовок и анонимных писем». Подчиненные начальника 3-го Управления НКГБ СССР старшего майора госбезопасности Н. Д. Горлинского сумели обобщить многолетний опыт борьбы с анонимщиками, предложив подчиненным структурам на местах наиболее общую схему единых действий, приемов и способов их решительного подавления и ликвидации.

С профессиональной точки зрения данный обзор не представлял практически никакой ценности. Он носил скорее декларативный характер, подчеркивая во всех своих десяти разделах опасный для советского государства характер деятельности анонимщиков. Они представлялись как «лица, осуществляющие вражескую работу». Например, в пятом разделе обзора авторы делали вполне логичный, с их точки зрения, вывод: «Если мы имеем в розыске 500 антисоветских листовок и анонимок разных авторов, то это значит, что где-то бродят на свободе 500 врагов, анти-

---

советская активность которых не требует доказательства, ибо своими листовками и анонимными письмами они сами “расписались” в своей контрреволюционной деятельности»¹².

Одновременно с этими оценками анонимщиков в обзоре давались и другие установки центрального аппарата НКВД в их отношении. Так, утверждалось, что распространение анонимных антисоветских писем, а отчасти и листовок, являлось одним из методов работы организованного контрреволюционного подполья, а также излюбленным приемом одиночек, составляющих основной контингент авторов анонимных писем. Признавалось, что «врагам-анонимщикам» их подрывная работа путем распространения листовок и писем представляется наиболее безопасной, и что органы НКВД пока ничего не могут ей противопоставить.

В опубликованном документе давалась подробная характеристика источников, откуда исходили антисоветские листовки; анализировались некоторые категории анонимных писем, исходящих от одного автора; подчеркивались особенности анонимных заявлений сигнального порядка; излагались общие принципы и подходы к организации розыска анонимщиков, роль и значение экспертизы в розыскной работе и др.

Разумеется, данные установки в совокупности с директивными требованиями НКВД СССР и НКГБ СССР, сформулированные в первой половине 1941 г., стали основой деятельности всех органов власти на местах по борьбе с анонимщиками в годы Великой Отечественной войны. Хотя, фактически, в республиках, краях и областях советской России анонимными письмами и листовками антисоветского содержания занимались не местные партийные комитеты и исполкомы советов, в чьи адреса они чаще всего и направлялись, а территориальные органы госбезопасности, реже милиции и уголовного розыска. Кстати, ни одного нового нормативного документа по вопросам розыска анонимщиков в годы войны не было принято ни аппаратом НКВД, ни НКГБ, ни ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР. Единственный за этот период циркуляр НКВД СССР № 183 от 8 августа 1941 г. обязывал соответствующие службы «обратить особое внимание на содержание листовок и анонимных писем, носящих прогерманский характер с призывом к вооруженному восстанию против советской власти»¹³.

В годы войны проявились некоторые особенности в сопротивленческой деятельности анонимов. Так, если до 1941 г. листовки изготавливались и распространялись преимущественно одиночками, да и те появлялись сравнительно редко и в количестве не более 3–10 экземпляров, писались от руки, чернилами или карандашом, то в годы войны все изменилось. В Москве, Иваново, Астрахани, Краснодаре, Свердловске, Владивостоке, Томске, Кирове и ряде других городов были зафиксированы распространения однородных листовок тиражом в 200, 500, 1000 и 2500 экземпляров¹⁴. Стали чаще применяться: набор типографского шрифта, шапирографы, гектографы, пишущие машинки и др. В большинстве случаев авторами этих воззваний и текстов были группы учащейся молодежи¹⁵.

В военный период четче оформились различные категории анонимных писем. В одном из первых «Обзоров-ориентировок» военного времени (январь 1945 г. — *В. И.*) эти письма дели-

лись на четыре категории: «программные», подготовленные от имени якобы существующих подпольных организаций, «комитетов», «бюро» и т. п.; «профашистские» и «антисемитские»; письма, авторы которых в антисоветской форме высказывали недовольство продовольственными и бытовыми затруднениями; «сигнализирующие» и «предупредительные», в которых сообщалось о различных злоупотреблениях, а также о подозрительном поведении отдельных лиц и возможной связи с вражескими разведслужбами и т. п.¹⁶

Среди авторов этих писем было немало молодых людей. В Саратове, например, был установлен и арестован ученик 6 класса Г. Павлов, действующий от имени «Общества юных революционеров». В Кемеровской области школьник В. Борисов якобы от конспиративной организации «Голубая гвардия» распространял антисоветские листовки. В разгар войны органы госбезопасности Ульяновской области задержали школьников С. Волинского, А. Степанова, М. Зебрикова и А. Арсеньева — членов «Партии против Сталина», ставивших себе цель «мстить режиму и его носителям за своих репрессированных родителей»¹⁷. Практически только к концу блокады в Ленинграде были разысканы и арестованы авторы анонимных писем в адрес А. А. Жданова, А. А. Кузнецова, П. С. Попкова и др., с угрозами расправы над ними и требованиями о прекращении войны. Ими оказались В. П. Амельченков, М. Е. Соколовский, А. Е. Гарина, Н. М. Попова и др.¹⁸

Анонимщики действительно раздражали власти, которые в свою очередь требовали от органов госбезопасности и милиции решительных мер по их розыску и репрессированию. Многие анонимные письма в адрес руководителей партийных и советских органов в центре и на местах носили явно обличительный характер. В некоторых из них содержались прямые оскорбления руководителей, угрозы и унижительные прозвища и т. п. Такая «практика» анонимов была типична для них в довоенный, военный и послевоенный периоды. Так, еще в начале 1937 г. Нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов специально издал приказ «О мерах наказания к хулиганствующим заключенным в тюрьмах ГУГБ», в котором распорядился усилить репрессии к Ш. А. Карсандзе, В. М. Смирнову, В. В. Кузьмину, Д. И. Строганову, Р. М. Гольдбергу, Г. Г. Марголину-Сигалу, К. Г. Петрунину, А. П. Петрову, Г. С. Копытову, А. Н. Гагуа, В. И. Алексидзе, А. Г. Карабаки, А. Е. Геворкяну, А. Н. Парцеладзе, К. П. Ващину-Калюге, Г. А. Ваньяну, А. А. Исабекяну, В. Н. Джапаридзе и А. А. Беру за персональные оскорбления в его адрес¹⁹.

Не менее дерзкими, с точки зрения властей, и обличительными были анонимные послания в их адрес и в послевоенный период. Так, аноним, представившийся «рабочим» в письме М. И. Калинин в июне 1945 г., сравнил советских «вождей» всех уровней с работягами, а Сталина причислил еще и к лицемерам²⁰. Аноним из Алтайского края в феврале 1947 г. прямо спрашивал И. В. Сталина, знает ли он, как живет народ после войны. Пересказав ему свое видение катастрофичности положения населения, автор письма дерзил: «Ответ мне не пишите, а ответьте народу...»²¹. В октябре 1952 г. безымянный автор письма на имя К. Е. Ворошилова требовал от него и Сталина покаяться за невинно убиенных в 1937 г., смыть с партии дерьмо, в котором она оказалась²².

Как правило, подобные письма не попадали в руки ответственных лиц такого уровня как Ворошилов, Хрущев, Микоян, Молотов и др. Можно утверждать, что не читал их и Сталин. Например, в Ленинграде, еще задолго до «ленинградского дела», отобранные из анонимных сообщений сведения о П. С. Попкове, Я. Ф. Капустине, А. А. Кузнецове и др., в виде компрометирующих материалов откладывались в Ленинградском УНКВД, хотя формально это было запрещено делать. Разумеется, будущие фигуранты «ленинградского дела» ничего не знали об этом и вообще, старались не афишировать свою личную жизнь и т. п. К тому же, еще с конца апреля 1938 г. на них распространялись требования циркуляра НКВД СССР № 94 «О порядке хранения адресных листов на ответственных работников». В циркуляре перечислялись партийные и советские номенклатурные чиновники, адресные листки на которых изымались из общих картотек адресных бюро, а выдача адресных справок по ним как по местным, так и по иногородним запросам была категорически запрещена²³. Несмотря на официальный запрет, в том же УНКГБ СССР по Ленинградской области в 1930-е — начале 1950-х гг. были подобраны из разного рода источников, в том числе и из анонимных писем, компроматериалы на Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина и некоторых других членов ЦК ВКП(б).

Отдельные анонимы не могли успокоиться из-за того, что их корреспонденция не попадала в руки указанного адресата, и более того, возвращалась на места, где по этому поводу начиналась служебная проверка и т. п. Так, некто «В. К.» писал в феврале 1949 г. К. Е. Ворошилову возмущенное письмо о том, что он никак не может «пробиться» к Сталину, и все его записки направляют в МГБ СССР. «Вот и мое последнее письмо, утверждал аноним, — видимо, передано не по назначению, то есть министру госбезопасности (в письме было несколько фамилий врагов народа — шпионов, возмущавших своей бесцеремонностью. — *В. И.*). Через день одно из указанных в письме лиц передавало другим содержание моего письма. Как это могло произойти?»²⁴

Особенно назойливыми анонимами были психически больные люди. Чаще всего они отсылали свои письма антисоветского содержания в разные инстанции, подписывая их своим именем и даже указывая обратный адрес. В этом смысле таких авторов вряд ли можно было относить к анонимам, но и оставлять без какого либо внимания их «творчество» власти тоже не собирались. В довоенной практике работы с ними существовала точка зрения, что эти больные страдают теми или иными маниакальными, бредовыми идеями, носящими социально вредный, опасный, антисоветский характер. В то же время, органам НКВД на местах ставилась задача «не прекращать разработку автора антисоветской анонимки даже когда выяснится, что он психически больной человек»²⁵. Следователям и оперативным работникам напоминалось о действиях ст. 24 и 26 УК РСФСР (ред. 1926 г.) и примечаниях к ним, предусматривающих осуждение к принудительному лечению в условиях изоляции лица, характер помешательства которого признается социально опасным²⁶.

Такую степень «социально-опасного помешательства» как раз и определяли сотрудники силовых структур, ориентируясь главным образом на «произведения» обследуемого лица. Эта

процедура носила облегченный характер лишь тогда, когда налицо был полный распад личности, полная деструктивность. Вот о чем писал, например, в 1940 г. А. Я. Вышинскому неизвестный пациент психиатрической больницы: «Я люблю передвижение. Мне нужен год на языки и на поступление в ВУЗ. На Ваше расположение надеюсь вполне. Хорошо иметь знакомство с Марией Ильиничной и товарищем Дзержинской. Больно, что пишу слишком. Но “Сретенка”, писатели! Я думаю быть лучшим, новым и оригинальным. Эффект, триумф социально-вредный так я не люблю и боюсь! Люблю больше уборщицу, чем инженера! Чернорабочий веселее. Псевдоним — правда. Пусть ругают в глаза! А похвала слаще. “Минэт” и “казак” — вещи интересные. “Мимикрия”, “кузилик и блоха”, у товарища Безымянского стихи о полюсе, “тепло-центральный земляк” — не плохо!»²⁷

В декабре 1948 г. в Ленинграде был установлен автор анонимного письма, душевнобольной Б. Н. Сансеро, находящийся с февраля 1946 г. на лечении в психиатрической больнице. Он писал: «В стране полный политический и экономический, культурный застой с 1924 года и только теперь после войны Сталин и К° (ЦК ВКП(б) по Ленину отступают, дают небольшие возможности политического, экономического и культурного развития с тем, чтобы ещё и ещё раз убедиться в смерти “коммуны”, аферы коммунизма. В стране давно назрела необходимость демократии, а коммунисты ЦК ВКП(б) боятся её как огня — казарма, толпа, вот их идеал...»²⁸. Понятно, что в случае с Борисом Сансеро, бывшим командиром РККА и участником Гражданской войны, сотрудникам УМГБ СССР по Ленинградской области предстояло еще «работать», чего нельзя было сказать об авторе «доверительного» письма на имя бывшего Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского.

Практически весь послевоенный период и до середины 1960-х гг. основными нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность специальных подразделений по борьбе с анонимщиками, оставались уже упомянутые выше директивы НКВД СССР и НКГБ СССР от 7 января и 13 июля 1941, а также циркуляр НКГБ СССР № 13 от 23 января 1945 г. «По розыску авторов и распространителей антисоветских листовок и анонимных писем», приказ председателя КГБ при СМ СССР от 9 сентября 1954 г. «О мерах улучшения агентурно-оперативной работы по розыску антисоветских анонимных документов» и распоряжение председателя КГБ при СМ СССР № 24 от 3 марта 1956 г. о прекращении розыска анонимов по делам, не представляющим оперативного интереса.

В этих документах, равно как и в обзорах, подготовленных в центральном аппарате КГБ в мае 1956 г. и в августе 1958 г., главное внимание было сосредоточено на организации и ведении розыска авторов анонимных рукописей и публикаций²⁹. Как уже подчеркивалось ранее, в 1939 г. в порядке эксперимента, а с начала 1941 г. в приказном порядке, розыском анонимщиков стали заниматься отделения и группы, созданные специально под эту задачу. Их функции должны были кончатся, как правило, установлением личности автора. Вся дальнейшая работа проводилась уже следственной частью, если автор подлежал аресту, либо другими оперативными службами (отделами-отделениями), если автор не арестовывался, а организовывалась его агентурная разработка, а также установление имеющихся у фигуранта связей.

Опыт деятельности подразделений, специально созданных для розыска анонимов в 1939–1941 гг. показал, что они, беря на себя задачу агентурной разработки и следствия по делам уже установленных анонимных авторов, сразу же «стопорились» в нескольких начатых делах, а работа по десяткам и сотням дел, где анонимщики еще не были найдены, полностью сворачивалась. Поэтому главной их задачей оставался розыск всех ненайденных анонимных авторов³⁰.

Оперативно-розыскная работа, как правило, начиналась с тщательного изучения самого документа — листовки, анонимки, — со всех позиций: содержание, степень грамотности, стиль, характерные выражения, бумага, на которой изготовлен документ, чернила, способ распространения и т. п. Решающее значение, с точки зрения розыскников, имели мероприятия по сличению поступивших анонимных материалов с уже имеющимися в распоряжении органов документами. Это было возможно при соблюдении директивных требований к систематизации всех анонимных документов и их тщательному учету.

Например, к концу 1940 г. в центральном аппарате НКГБ СССР каждая анонимка была занесена на специальную карточку, которая отражала следующие позиции: откуда документ послан, в чей адрес, основные признаки этого документа, его краткое содержание, все основные этапы розыскной работы. Все антисоветские листовки и письма из регионов срочно направлялись в Москву, в 9 отдел 2-го Управления НКГБ СССР, где проходили соответствующую экспертизу, систематизацию и учет. Аналогичная работа проводилась и на местах.

Обязательность процедуры сличения нового анонимного документа с уже имеющимися способствовала созданию в розыскных отделениях-группах специальных альбомов, либо фотокопий, или самих подлинников, авторы которых не найдены и которые (пока в единственном экземпляре, без сопоставления с другими документами того же автора) не давали каких-нибудь конкретных, прямых зацепок для розыска³¹.

В начале 1945 г. все территориальные органы госбезопасности получили указание при проведении следствия по наиболее характерным делам анонимщиков отдельным протоколом фиксировать показания арестованных о том, какие методы и способы применялись ими при изготовлении анонимок³². Так, в декабре 1956 г. в Ленинграде был арестован Ю. Левитин, конструктор одного из машиностроительных заводов, автор ряда анонимных посланий, в том числе и на Запад. На следствии он вынужден был подробно рассказать о методике изготовления им антисоветских листовок. Для этого он брал обыкновенную писчую бумагу размером 6 на 9 или 13 на 18 см, наносил на нее печатными буквами фиолетовыми чернилами заранее отработанный в черновике текст, затем брал рефлексную фотобумагу соответствующего формата, делал негативный оттиск, а с этого негатива печатал нужное количество экземпляров. Когда листовки высыхали, он химически их обрабатывал, чтобы не оставлять отпечатков пальцев³³.

Формально розыск, задержание и последующие процессуальные действия в отношении анонимов требовали проведения специальной экспертизы их «произведений». Во-первых, к ней

прибегали не только когда подозревали определенных лиц, но и тогда, когда нужно было быстро отбросить все несоответствующие почерки при большом круге подозреваемых лиц и таким образом сузить круг розыска.

Во-вторых, заключение экспертизы являлось юридическим документом для изобличения анонима и для суда над ним. В такой роли экспертиза выступала только тогда, когда ее заключение было безусловным, неоспоримым. Считалось, что к неопределенным, не категорическим заключениям графологов следовало относиться осторожно, особенно тогда, когда кроме заключения экспертизы других уличающих материалов не было. В идеале, требовалась обязательная перепроверка заключения местных экспертов через квалифицированную экспертизу центрального аппарата НКГБ СССР, в состав которой нередко входили специалисты из 4 отдела НКГБ СССР, спецотдела Главного управления милиции НКВД СССР, Института права АН СССР и др.

Для облегчения и ускорения розыска анонимщиков во всех территориальных органах НКВД создавался своеобразный «банк» образцов почерков. Эта процедура была обязательна. Еще в начале 1940-х гг. на местах действовало положение, предписывающее иметь в каждом агентурном деле, деле-формуляре и учетном деле разрабатываемых лиц (всех, а не только анонимов. — *В. И.*) образец почерка³⁴. В период войны, НКГБ СССР в сентябре 1943 г. обязал все подчиненные структуры представлять в свое 2-е Управление образцы почерков каждого подучетника³⁵. На фронтах выборкой почерков занимались отделы «В» (военная цензура. — *В. И.*) с мая 1944 г. — фронтовые отделы ВЦ НКГБ СССР. Например, такой отдел при Ленинградском фронте с 1 мая 1943 г. по 1 января 1946 г. обработал 252 млн корреспонденций, конфисковав при этом более 109 тыс. писем и изъял из них 2,5 млн текстов. За этот же период было отобрано в процессе всей исходящей корреспонденции на сличение почерков с автографами разыскиваемых авторов почти 38 тыс. анонимных сообщений³⁶.

Впервые наиболее полная картотека почерков была создана за годы войны в НКГБ Казахской ССР. Это были почерки всех арестованных и тех, от кого власти ожидали поступления анонимных сообщений³⁷. Правда, в этом случае нельзя говорить о тотальном характере изъятия образцов почерка, как это пытались сделать в послевоенном Ленинграде; скорее, речь может идти о потенциальных, с точки зрения властей, антисоветски настроенных гражданах.

К тому же, почерк каждого вновь арестованного должен был сличаться по альбому антисоветских документов с почерками неразысканных авторов. Нужно было проверять, не исходили ли антисоветские документы от лиц, состоящих на оперативном учете, а иногда и на секретной связи, в агентурном осведомительном аппарате и т. п. Ведь было известно по крайней мере несколько эпизодов, когда агенты сами изготавливали и распространяли анонимные сообщения. Например, понадобилось немало времени чтобы изобличить агента «Нирского» в г. Ярославле и агента «Южного» в одной из станиц Краснодарского края, желающих из корыстных побуждений «дать крупное дело», получить за это вознаграждение, подставив в этой игре ни в чем не повинных граждан³⁸.

В отличие от других регионов, в Ленинграде еще в довоенный период пытались создать поуличные почерковые альбомы, организовав по сути тотальное сканирование образцов почерков не только взрослого населения, но и подростков. При этом главная ценность такого образца, по мысли организаторов этого процесса, заключалась в наличии у органов госбезопасности и милиции текстов, написанных печатными буквами, а не скорописью, так как подавляющее большинство анонимных сообщений было написано печатными буквами, и реже — обычным почерком.

Война прервала эту работу УНКГБ СССР по Ленинградской области, но уже с 1946 г. к ней вновь вернулись, создав к началу 1950-х гг. один из наиболее полных «банков» образцов почерков, в том числе и скорописных. В этих целях использовались оперативные возможности всех имеющихся служб: перлюстрация корреспонденции, наружное наблюдение, экспертно-криминалистические исследования и др. Была проявлена незаурядная изобретательность и сметливость. К сбору сведений были подключены самые разные инстанции (не подозревающие, в какой операции органов они участвуют) и отдельные граждане. Фактически, к 1956 г. в ленинградском УМВД были составлены поуличные альбомы образцов почерков, а также альбомы всех почтовых штемпелей и шрифтов пишущих машинок города и области. Осуществляя поуличную перлюстрацию, сотрудники через домоуправления предлагали, например, всем жильцам заполнить печатными буквами отдельные графы специального бланка-заявления для различных нужд (снижения квартплаты, бытовые услуги, повышение пенсий, розыск без вести пропавших, ремонт комнат и подъездов и т. п.).

В старших классах местных школ по указанию РОНО или директоров организовывался диктант печатными буквами под предлогом выявления лучших почерков для оформления стенгазет и написания лозунгов. Для получения нужного образца использовались сотрудники негласного аппарата. Агентов привлекали и в тех случаях, когда необходимо было добыть и сравнить почерки близких родственников подозреваемого, так как было известно, что у прямых родственников (отец-сын, брат-сестра и пр.) часто почерки бывают очень сходные. Им же ставилась задача незаметно добыть образцы чернил, клея, срезов бумаги и т. п., особенно когда речь шла о разбросанных и расклеенных листовках.

В свою очередь, образцы рукописного печатного шрифта и скорописи незаметно изымались и у самих секретных сотрудников (осведомителей, агентов и резидентов). Это происходило потому, что в УКГБ СССР по Ленинградской области были известны случаи, когда некоторые из них в провокационных целях или в интересах «отвода глаз» сами направляли анонимки в органы госбезопасности или милиции с сопроводительной запиской, исполненной измененным почерком, о том, что якобы они нашли этот контрреволюционный документ там-то и подозревают таких-то³⁹.

Анализ анонимных писем и антисоветских листовок за период 1945–1965 гг. позволяет утверждать, что в них в основном обличался существующий советский политический ре-

жим и представители его властного аппарата. Резко критикуя советскую действительность, авторы анонимных произведений описывали, как правило, ужасы и последствия антинародного сталинского режима и чиновничьего беспредела эпохи хрущевского волюнтаризма. Сталинизм и хрущевщина изображались в них как бесконечное зло, которое следовало уничтожить.

Конкретных носителей властных полномочий, номенклатурщиков различных уровней анонимщики изображали как вредителей, антигосударственников, антисоветских типов, скрывающих свое подлинное «политическое лицо», а также прошлое и свои преступные связи. Нередко в таких анонимных документах излагались конкретные негативные факты из личной жизни руководителей, описывались эпизоды их преступной уголовной деятельности и т. п. Можно утверждать, что в период позднего сталинизма и в годы хрущевщины «анонимная контрреволюция» действительно носила ярко выраженный антисоветский характер и антибюрократическую направленность. Власть и ее конкретные носители в интерпретации анонимов воспринимались не иначе, как презренная каста плутов, воров и недоумков.

В период 1944–1947 гг. о советских «перевертышах» (так именовали чиновников-приспособленцев, подхалимов и угодников, выплывающих при всех режимах. — *В. И.*) писал в анонимных письмах в редакции газет «Правда» и «Ленинградская правда» старший преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма Ленинградского политехнического института, член ВКП(б) с 1925 г. И. П. Селиверстов⁴⁰. О якобы нарастающем повстанческом настроении среди рабочих Ленинграда с сентября 1946 г. по июль 1949 г., в ЦК, Ленинградский ОК ВКП(б) и редакцию газеты «Известия» от имени некоего «Комитета освобождения России» писал анонимные письма рабочий артели «Ленточмех» К. Н. Масловский⁴¹. В 1946–1947 гг. в адрес И. В. Сталина и ЦК ВКП(б) неоднократно поступали анонимные письма от участницы войны М. Г. Самохиной, подписывающейся в них словами «советский народ». На следствии она признавалась, что «...изменяла почерк при составлении анонимных писем потому, чтобы дать понять, что они исходят не от одного, а от ряда лиц»⁴². Другой аноним М. Г. Спиридонов на протяжении 15 лет (1933–1948) распространял в Ленинграде анонимные письма обличительного (с точки зрения властей — клеветнического) характера. Ему инкриминировали написание более 20 писем в адрес руководителей партии и правительства. 25 ноября 1948 г. он был осужден за эти действия на 25 лет лишения свободы с отбыванием в ИТЛ⁴³. Обличительные, полные негодования в адрес советского политического режима и его представителей анонимные письма исходили от автора 50 таких посланий — Д. М. Андрюшене⁴⁴.

С позиции сопротивленческой тактики, эти анонимные письма не наносили никакого ущерба советскому сталинскому и хрущевскому режиму. Во-первых — потому, что тем, кому они были адресованы, их, как правило, не читали. Реже с ними знакомились те руководители, которые упоминались в анонимках как лица, нарушающие нормы советской морали и УК, а по поводу изложенных в них фактов велась служебная и партийная проверка.

Во-вторых, анонимное сопротивление было вовсе не организовано, как это представлялось спецслужбами, и не носило массового характера, за ним вообще ничего не стояло. Это было молчаливым «выпусканием пара», некой одичалой сердитостью на окружающую советскую действительность. В 1945–1965 гг. не был известен ни один случай судебной реакции на справедливо изложенные в анонимках факты нарушений и злоупотреблений со стороны упомянутых в них чиновников и руководителей. Анонимка была вне закона. Вначале требовалось найти анонимщика, а затем вернуться к существу его «произведения» и т. п.

В-третьих, на анонимов была буквально санкционирована беспощадная и истребительная охота. Даже в тех случаях, когда они не преследовались в уголовном порядке, их повседневная жизнь после «легализации» соответствующими органами погружалась в обстановку изоляции и конфликтов. Под слом шло все: карьера, личная жизнь, учеба, заграничные поездки и др. Главное — человек лишался поддержки в коллективе и даже среди друзей и знакомых.

Лишь единицам из числа анонимов, разысканных и репрессированных в 1940–1950-е гг., удалось основательно пощекотать нервы соответствующим направленцам из специальных структур.

Одним из них оказался начальник кафедры марксизма-ленинизма Ленинградской Краснознаменной Военно-воздушной инженерной академии, кандидат философских наук, профессор, полковник Л. Ю. Звонарев. Леонид Юлианович родился в г. Одессе в 1900 г. в еврейской семье, получил высшее образование, с 1922 г. служил в РККА. В период войны с 1942 г. по июнь 1944 г. занимал должность начальника политотдела 23 армии. С лета 1944 г. возглавил кафедру в Ленинградской ВВИА. Однако уважаемый профессор и идейный боец партии имел принципиальные претензии к руководству государства по поводу проводимой в СССР национальной политики. С декабря 1945 г. и по февраль 1948 г. он направил в высшие инстанции шесть анонимных писем с требованиями организации в масштабе страны дискриминации в отношении евреев и «инородцев»⁴⁵.

В одном из писем он писал: «...и пора нам, наконец, пересмотреть свою внутреннюю политику, исправив недостатки по национальному вопросу. “Россия — для русских”. Вот что должны понять все инородцы и в особенности сыны Израиля. Давно пора поставить точки над “и”, т. е. на еврейском вопросе. Мои предложения: 1. Лишить детей Иеговы права занимать государственные должности в советском и хозяйственном аппарате (разумеется, и в партийном), а также в армии и флоте. 2. Ограничить избирательные права, лишив евреев права быть избранными в органы советской власти. 3. Выселить евреев из Москвы и Ленинграда и из столиц союзных республик. 4. Запретить евреям регистрацию браков с не-евреями и преследовать по закону сожительство с не-евреями. 5. В законодательном порядке ограничить рождаемость в еврейских семьях до одного отпрыска. 6. Запретить евреям издавать книги и печатать статьи на русском языке. 7. Создать для евреев специальные учебные заведения на еврейском языке, перевести туда всех еврейских учащихся. 8. Установить для евреев особую форму одежды (для

мужчин: лапсердак, ермолку, белые чулки; для женщин: черное широкого покроя платье и черный головной платок). 9. Предусмотреть для работающих на производстве евреев зарплату в размере 50–60 % зарплаты, выплачиваемой не-евреям. 10. Для контроля за выполнением евреями законов советской власти создать особое Главное управление по еврейским делам»⁴⁶.

Возмутительная, преступная выходка блюстителя большевистской идеологии и, очевидно, была уместна в начавшемся после войны новом приступе государственного антисемитизма. Уместна потому, что никто не собирался задерживать профессора Звонарева, проведя в отношении его необходимые в таких случаях оперативно-чекистские мероприятия и доложив о его «программном заявлении» в высшие инстанции. Поэтому, когда группа студентов юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в анонимном письме в КПК при ЦК ВКП(б) в мае 1948 г. спросила, почему партия допускает антиеврейские гонения⁴⁷, ответ был более чем очевиден. В Ленинграде местные власти были недовольны только тем, что информация о Звонареве и его плане устройства «еврейского вопроса» стала доступна Западу и радикальным, с их точки зрения, еврейским националистам в СССР.

Дмитрий Иванович Попов, 1897 г. рождения, русский, член партии с 1920 г., в годы войны политрук Ленинградской добровольческой дивизии, а с 1956 г. пенсионер республиканского значения, не обладал теми учеными достоинствами, что Звонарев, но размах его деятельности, особенно по распространению антисоветских анонимных документов, в 1958 г. приковал внимание даже самого центрального аппарата КГБ при СМ СССР, его председателя и ЦК КПСС.

20 декабря 1958 г. он с Московского главпочтамта отправил пять заказных бандеролей с документами антисоветского содержания на 272 листах каждый. Эти документы были отпечатаны на пишущей машинке и озаглавлены «Партия и государство диктатуры рабочего класса». Они адресовались в ЦК КПСС, институт марксизма-ленинизма, ВЦСПС, ВЛКСМ и Ленинградский ОК КПСС. В тот же день из Москвы по почте во все обкомы, крайкомы и ЦК КПСС союзных республик, а также различные учреждения и предприятия, общежития студентов и частные квартиры 16 городов СССР было разослано в конвертах 660 экземпляров микрофотопродукций этого антисоветского документа. Текст был размещен на 5 листах фотопленки или фотобумаги размером 9 на 12 см, которые можно было прочитать только после увеличения лупой⁴⁸.

Специально созданные подразделения по борьбе с анонимщиками в масштабе советского государства к середине 1960-х гг. накопили определенный опыт выполнения этой задачи, сформулированной партией и правительством. В 1942–1943 гг., например, в Москве сумели установить автора пяти антисоветских писем, сличая в течение 10 месяцев почерки в различных учреждениях и организациях города, просмотрев более 114 тыс. рукописей. Им оказался профессор одного из московских вузов⁴⁹. В конце ноября 1948 г. в Ленинграде была арестована группа молодых людей, изготовившая и распространившая накануне 7 ноября около

400 листовок в восьми районах города. Ю. С. Погорелов, А. С. Черепнев, Э. И. Рябов, Н. М. Лаптев и М. И. Лобанов причисляли себя к антисоветской организации «Счастье народа» и считали свою миссию освободительной⁵⁰.

Владимир Александрович Белехов, корректор типографии имени М. М. Володарского, в 1948–1949 гг. периодически направлял почтой в различные столичные учреждения и организации анонимные антисоветские документы, подписываясь под ними «Иероним Чеховский». Он был обнаружен, когда в одном из домов на Староневском проспекте, в кв. 34 с вывеской «Переписка на машинке» имел неосторожность напечатать за 80 руб. свою очередную рукопись, неосмотрительно оставив в этой «квартире-ловушке» использованную им переводную бумагу⁵¹.

Только подключив агентуру, сотрудники УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области задержали в городе в конце 1957 г. группу молодых людей, которые распространяли антисоветские воззвания через почтовые ящики жильцов. Письма и листовки писались комбинированным способом печатными буквами несколькими исполнителями. Установить авторство оказалось чрезвычайно сложно. И только благодаря подводу к предполагаемым фигурантам агента «Невского», удалось задержать всю группу в период распространения ими антисоветских листовок⁵².

Агентурно-оперативные комбинации позволили также задержать разнорабочего Х. А. Асадулина с 6 классами образования, татарина, участника войны, осужденного осенью 1945 г. за дезертирство (амнистированного в 1955 г. — *В. И.*), за изготовление и распространение с 1949 г. по 1960 г. более 10 тыс. экземпляров листовок⁵³. Его воззвания появлялись в основном в Баку, Кировобаде и Тбилиси. По показаниям Асадулина еще в 1949 г., находясь в заключении в Ягринском ИТЛ (г. Северодвинск. — *В. И.*) он, не имея возможности распространить их, спрятал листовки на чердаке одного из строящихся в городе жилых домов. По указанию КГБ при СМ СССР в 1960 г. сотрудники УКГБ при СМ СССР по Архангельской области нашли и изъяли из тайника на чердаке дома свыше 500 экземпляров антисоветских листовок, пролежавших там с 1949 г.

В Ленинграде за период с 1951 г. по 1964 г. включительно, за изготовление и распространение антисоветских писем и листовок было арестовано около 100 человек. Например, в 1951 г. в их числе оказались М. С. Клишина, П. В. Тарасова, Л. А. Ефимов, Д. В. Каменский, М. К. Резник, Л. С. Гинзбург, А. А. Филатов, Е. А. Витясова⁵⁴. В 1956 г. одновременно устанавливались 15 авторов анонимных сообщений, а также были установлены все работники завода «Красная заря», составители документа «Говорит рабочий», адресованного Президиуму ЦК КПСС⁵⁵. В 1963 г. в Ленинграде были арестованы анонимы Ф. В. Палагута, Г. С. Фонобрович и др.

УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области в мае 1963 г. информировало ОК КПСС в спецсообщении «О росте количества распространяемых анонимных антисоветских документов в Ленинграде и области с января 1961 по май 1963 года» и докладывало о мероприятиях по их пресечению⁵⁶. Показания арестованного летом 1963 г. следователя прокуратуры Василеос-

тровского района г. Ленинграда Г. С. Кривоносова, автора и распространителя многих антисоветских документов, свидетельствовали о глубоком кризисе всей советской бюрократической машины и масштабах государственной лжи и лицемерия⁵⁷. Во многих его письмах не было ничего «антисоветского», подрывающего безопасность государства. Между тем, он был репрессирован, подвергся гонениям и всяческим унижениям.

И это происходило в то время, когда уже с августа 1952 г. были отменены печально известные циркуляры № 4 от 7 января и № 42 от 13 июня 1941 г., а также № 13 от 25 января 1945 г., требующие тотального контроля за анонимным пространством советского общества. Распоряжением председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова № 24 от 3 марта 1956 г. приказывалось к середине апреля 1956 г. закончить пересмотр всех дел по розыску авторов анонимок и «прекратить розыск по делам, не представляющим оперативного интереса и потерявшим актуальность»⁵⁸. Но в ряде случаев, как это произошло и с Г. С. Кривоносовым, делались разного рода оговорки, где доминировала антисоветская составляющая.

Разумеется, что в Ленинграде хорошо знали решение бюро ЦК КПСС по РСФСР, осудившее 4 января 1961 г. «неправильные действия начальника областного Управления государственной безопасности (г. Рязань. — В. И.) т. Олейник С. Г., выразившиеся в том, что им организовывались розыски авторов анонимных писем, в которых правдиво сообщалось о фактах злоупотреблений при проведении заготовок продуктов животноводства в Рязанской области»⁵⁹. Как выяснилось в ходе разбирательства, полковник С. Г. Олейник сопротивлялся давлению со стороны первого секретаря обкома А. Н. Ларионова, требовавшего от него незамедлительных действий по розыску авторов анонимных писем в адрес бюро ЦК КПСС по РСФСР⁶⁰. Но и сам С. Г. Олейник вскоре был коллегиально «проработан» на бюро обкома за свою неуступчивость. Опасаясь лишиться партийного билета, он вынужден был организовать розыск анонимщиков, и вскоре трое из них были найдены, и публично унижены и оскорблены Ларионовым. Остановить его в то время никто не мог. Это признавали даже члены бюро ЦК КПСС по РСФСР.

Реагируя на это решение партии, коллегия КГБ при СМ СССР понизила в должности С. Г. Олейника, одновременно дав указание на места «прекратить розыск анонимов, которые не представляют оперативного интереса для органов государственной безопасности»⁶¹. Понятно, что это произошло только потому, что Олейник «попал под горячую руку», в связи с громким публичным скандалом по «мясному делу» в Рязанской области, печальным итогом которого стало самоубийство самого Ларионова. С тех пор в территориальных органах к розыску анонимов стали относиться, соблюдая чрезвычайную конспирацию, особенно там, где не было «антисоветчины», но была весьма правдивая, аргументированная и неприятная информация о деятельности властей всех уровней.

В сущности, ничего не изменилось в судьбе анонимщиков в советской России и в намерениях властей «примерно их наказать». Как в мрачные годы сталинщины, так и в период хрущевщины и в последующие времена власти всех уровней ненавидели и опасались анонимов как из своей

среды, так и из числа обычных граждан. И как раньше, они предпочитали бороться не с причинами, порождающими анонимизм, а с безымянными «борцами за справедливость», даже если они и были абсолютно честны и объективны. Такова природа тоталитаризма.

---

¹ Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М., 2003. С. 53.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-ое изд., стер. М., 1990. С. 32.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 790.

⁴ Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — Архив УФСБ РФ по СПб и области). Ф. 8. Оп. 39. П. 16. Л. 462.

⁵ Там же. Л. 462 об.

⁶ Там же. П. 17. Л. 137.

⁷ Там же. П. 18. Л. 245.

⁸ Там же. П. 57. Л. 71 об.

⁹ Там же. П. 45. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 15 об.

¹¹ Там же.

¹² Там же. П. 46. Л. 72.

¹³ Там же. П. 44. Л. 298.

¹⁴ Там же. П. 57. Л. 37.

¹⁵ Иванов В. А. «Сцилла» и «Харибда» советской молодежи в годы войны (по материалам вскрытых и ликвидированных органами НКВД СССР организаций и групп среди молодежи в 1943–1944 годах) // Движущие силы и источники победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. проф. Ю. В. Манько. СПб., 2010. С. 81–83.

¹⁶ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 8. Оп. 39. П. 57. Л. 40 об.

¹⁷ Иванов В. А. «Сцилла» и «Харибда» советской молодежи в годы войны... С. 82.

¹⁸ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 12. Оп. 21. Д. 1. Л. 5.

¹⁹ ОСФ ИЦ ГУВД СПб и Ленинградской области. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 22 об.

²⁰ Советская повседневность и массовое создание. 1939–1945 / Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2003. С. 437–438.

²¹ Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк, Л. А. Роговая. М., 2003. С. 234.

²² Там же. С. 452. — Установленный в августе 1947 г. анонимный автор Б. П. Жеребцов, военнослужащий 23 дивизии МВД СССР, писал министру Вооруженных сил СССР Н. А. Булганину: «Сволочи вы все. Придет тот день, мы с вами рассчитаемся все.» // Цит. по: Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 12. Оп. 2. П. 77. Т. 1. Л. 80.

²³ ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 263.

²⁴ Советская жизнь. 1945–1953... С. 476–477.

²⁵ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 8. Оп. 39. П. 46. Л. 71 об.

²⁶ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1938. С. 116. — Статья 93 УПК РСФСР гласила, что «анонимные заявления могут служить поводом к возбуждению уголовного преследования только после предварительной негласной проверки их органами дознания».

²⁷ Советская повседневность и массовое сознание... С. 36.

²⁸ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 12. Оп. 2. П. 90. Т. 1. Л. 207.

²⁹ Директива КГБ при СМ СССР № 53 от 9 мая 1956 г. «Обзор работы органов КГБ по расследованию дел на авторов и распространителей антисоветских анонимных документов»; Директива КГБ при СМ СССР № 123 от 11 августа 1958 г. «Обзор агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности по некоторым делам розыска авторов антисоветских анонимных документов».

³⁰ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 8. Оп. 39. П. 46. Л. 72 об.

³¹ Там же. П. 57. Л. 28.

³² Там же. Л. 29.

³³ Там же. Ф. 1. Оп. 5. П. 9. Т. 3. Л. 63 об., 64.

³⁴ Там же. Ф. 8. Оп. 39. П. 45. Л. 15 об.

³⁵ Там же. П. 57. Л. 42.

³⁶ Там же. Ф. 12. Оп. 21. П. 1. Л. 1,10.

³⁷ Там же. Ф. 8. Оп. 39. П. 57. Л. 41 об.

³⁸ Там же. Л. 38, 39, 40.

³⁹ Там же. Коллекция документов. Архив № 779. Т. 2. Л. 268.

⁴⁰ Там же. Ф. 12. Оп. 2. Д. 81. Т. 2. Л. 408, 409.

⁴¹ Там же. Оп. 24. Д. 49. Л. 214, 215.

⁴² Там же. Оп. 2. П. 90. Т. 3. Л. 175.

⁴³ Там же. П. 81. Т. 2. Л. 266.

⁴⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 3. П. 9. Т. 1. Л. 44 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 2. П. 81. Т. 2. Л. 139.

⁴⁶ Там же. Л. 140, 141.

⁴⁷ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Г. В. Костырченко. М., 2005. С. 104–105.

⁴⁸ Архив УФСБ РФ по СПб и области Ф. 1. Оп. 6. П. 6. Т. 1. Л. 46.

⁴⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 39. П. 57. Л. 41, 41 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 12. Оп. 2. П. 81. Т. 2. Л. 319.

⁵¹ Там же. П. 90. Т. 3. Л. 310.

⁵² Там же. Ф. 1. Оп. 5. П. 9. Т. 3. Л. 55 об.

⁵³ Там же. Оп. 8. П. 9. Л. 273 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 12. Оп. 23. П. 56. Л. 13, 14, 146, 147; П. 57. Л. 73; П. 59. Л. 187, 188, 301, 302.

⁵⁵ Там же. Оп. 36. П. 23. Л. 105–115, 285.

⁵⁶ Там же. Оп. 114. П. 1. Т. 1. Л. 96, 97, 98, 99, 100.

⁵⁷ Там же. Л. 145, 146, 266; Т. 2. Л. 60, 86.

⁵⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 73. П. 6. Т. 1. Л. 128 об.

⁵⁹ Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953–1964 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2009. С. 309.

⁶⁰ Там же. С. 287–289.

⁶¹ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Ф. 1. Оп. 8. П. 1. Л. 13, 14.